

F * W

FANTASY * WORLD

АНДРЕЙ СТОЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИМ
ПОРОГОМ
НАЧАЛО

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С81

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 39

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Стоев, Андрей

С81 За последним порогом. Начало: роман / Андрей
Стоев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский
дом «Ленинград», 2020. — 384 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-121500-2

Мир, который разошелся с нашим примерно в 1000 году н. э. Мир, в котором никогда не было Чингисхана и Наполеона. Сможет ли герой, проживший обычную жизнь в нашем мире, начать новую жизнь в другом? Как можно прожить жизнь достойно и защитить себя и своих близких в мире, который никогда не знал политкорректности и прав человека, но в котором есть магия и боги? Вот так неожиданно сложилась судьба Кеннера Арди, когда-то простого русского завлаба, а ныне сына изгнанной из рода аристократки — немного отморозка, немного параноика и совсем немного идеалиста.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121500-2

© Андрей Стоев, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Смерть — это не только конец пути, но и начало чего-то нового. Это последний порог, за которым начинается новый путь, на котором кто-то поднимется еще выше, а кто-то спустится вниз. Этот порог нужно было просто перешагнуть, но я споткнулся...

Меня влекло куда-то вдаль с непреодолимой силой, не оставляющей никакой возможности для сопротивления. Мелькали какие-то странные световые поля, нити, куски структур. Мыслей не было совершенно, сознание просто фиксировало происходящее без какого-либо анализа или оценки. Пришло понимание, что я умер, но это также не вызвало никаких эмоций — всего лишь факт, ничем не выделяющийся из десятков и сотен других фактов. Я не мог думать и испытывать эмоции — для этого нужно было быть живым, но опять же, это меня совершенно не беспокоило.

Следом я осознал еще один факт: я таю. С каждым мгновением от меня — от души или сознания — отрывается новый кусочек личности, привычек, воспоминаний, размываясь и оставаясь позади. Эмоций по-прежнему не было, но появилось понимание, что это неправильно. Я по-прежнему не мог и не хотел бороться, но каким-то образом это ощущение неправильности что-то изменило в происходящем. Я почувствовал, что давление постепенно слабеет и я начинаю замедляться. Внезапно давление исчезло, меня швырнуло куда-то вбок, и сознание померкло.

* * *

Пришел я в себя нескоро — точнее говоря, снова начал себя осознавать. Понадобились месяцы, чтобы слабый мозг младенца развился достаточно и на общем фоне растительного существования начали мелькать какие-то мысли. Думать было нелегко: даже простейшие попытки что-то вспомнить из прошлой жизни быстро утомляли, и я засыпал или снова проваливался в бездумное созерцание. Но время шло, и постепенно способность связно мыслить восстанавливалась. Память, однако, сильно пострадала, и воспоминания о прошлой жизни были во многом отрывочными, а частью даже просто непонятными. Остался ли я той же самой личностью? Не знаю... хотелось бы верить, что да. Много ли мы помним о себе десятилетних в шестьдесят? Но личность остается той же самой, стало быть, есть еще что-то, что делает нас теми, кто мы есть — принципы, воззрения, привычки. Впрочем, вне зависимости от ответа на этот философский вопрос, придется жить с тем, с чем придется. Оставалось лишь надеяться, что с развитием мозга воспоминания вернуться.

Не сказал бы, что младенческое существование было очень уж утомительным — просто в силу того, что осознанное бытие занимало не так уж много времени. Я старался больше думать и узнавать мир вокруг, но получалось это не то чтобы очень уж хорошо. Хотя прогресс определенно наблюдался.

Больше всего раздражало хождение под себя, но с этим оставалось только смириться. На горшок меня никто сажать не собирался, да и что толку, если я себя никак не мог контролировать? Организм делал в пеленки по своему графику и совершенно не интересовался мнением мозга по этому вопросу. Все, что я мог, это потребовать смены пеленки, и я дисциплинированно ревел, как и полагалось младенцу.

Через какое-то время мозг немного развился, и жить стало поинтереснее. Непонятные пятна постепенно стали складываться в очертания предметов, приобретая цвет и объем. Кровать, грудь, какая-то мягкая игрушка (заяц? енот?), рука, которая, несомненно, была моей, хотя таковой почти не ощущалась. Вообще надо заметить, что мускулы у меня, казалось, жили собственной жизнью. Было практически невозможно просто взять игрушку — рука дергалась почти непроизвольно. Можно было только улучшить момент и вцепиться. Хватательные движения получались неплохо.

Постепенно удалось идентифицировать окружающих людей. Женщина, кормившая меня грудью, — надо заметить, молодая и очень красивая, — была, несомненно, моей матерью. Однако часто меня кормила другая женщина, которую я затруднялся как-то обозначить. Кроме того, часто рядом оказывался еще один младенец. Брат? Сестра? Непонятно...

Примерно тогда же произошло неприятное событие, которое меня порядком напугало. Я проснулся от того, что меня довольно грубо тыкали пальцем. Надо мной склонилась женщина с холодными глазами, рассматривая меня равнодушным взглядом гадюки. Мать говорила ей что-то резкое, а та что-то лениво цедила в ответ. В конце концов она отвесила матери презрительную пощечину, и та замолкла. Она еще раз довольно больно ткнула меня — я просто взбесился от злости и неожиданно для себя заплакал. Тьфу! Так у меня состоялось знакомство с бабушкой, которое, к счастью, продолжения не получило.

Хотя инцидент на этом и закончился, я вдруг осознал, что мир вокруг не вполне уютное место, а я еще как минимум лет пятнадцать буду совершенно беспомощным. Конечно, варианты развития у ребенка довольно ограничены, но просто сидеть и ждать, когда вырастешь и станешь большим и сильным, это опасный путь.

Я твердо решил использовать любую возможность стать сильнее, и скоро такая возможность неожиданно подвернулась.

* * *

Я лежал в кровати и, повернув голову, наблюдал за матерью, которая уронила что-то мелкое, вроде иголки, и, вполголоса ругаясь, пыталась ее найти. Дело было вечером, люстра под потолком светила не очень ярко, и разглядеть потерянную мелочь на полу было почти невозможно. Внезапно мир как-то беззвучно качнулся, и над головой у матери появился крохотный яркий шарик. Я просто оторопел от изумления. Довольно быстро мать нашла потерянное, шарик потух, и мир стал прежним.

Нет, мы охотно представляем себя с волшебной палочкой и все такое, но как бы мы ни рассуждали о плетениях, мане и тому подобных вещах, все мы понимаем, что магия — это фантазия, которой в реальной жизни места нет. И вот я своими глазами вижу что-то совершенно противоречащее привычной для меня картине мира. Отрицать или игнорировать это было невозможно — мать действительно создала нечто, испускающее свет. Сомнения еще оставались, но было сложно объяснить увиденное иначе, чем каким-то видом магии.

После этого я стал пристально наблюдать за матерью, и быстро обнаружил, что она довольно активно, хотя и по мелочи, использует магию в повседневной жизни. Немного посветить, притянуть небольшую вещь, до которой трудно дотянуться, подогреть остывший чай — было удивительно, как я раньше всего этого не замечал.

Вскоре я понял, что ее действия как-то связаны с легкой дымкой, которая затягивает буквально все. Эта дымка никак не мешала видеть окружающее, да и виделась она скорее не глазами, оттого я раньше и не об-

ращал на нее внимания. Точнее, просто решил, что это что-то возрастное, что пройдет позже само, когда глаза полностью разовьются, и выбросил это из головы. Теперь я стал целенаправленно приглядываться, и очень скоро выяснил, что эта дымка не совсем однородна — когда мать создает, например, шарик света, то дымка рядом как бы стягивается и формирует некую структуру. В целом это было довольно похоже на какую-то разновидность поля, хотя было не совсем понятно, отчего зависит его конфигурация и каким образом в нем создаются неоднородности. Поскольку никаких приспособлений мать не использовала, дело явно было в волевом усилии. Но как она это делала? Палочкой она не махала и никаких бессмысленных слов не выкрикивала...

Постепенно я начал понимать принцип — нужно было выделить определенную точку и стягивать поле в нее. Даже небольшое повышение концентрации внимания в выбранной точке требовало огромных усилий, и результатом обычно была сильная усталость, переходящая в сон. Но все равно это был результат, и я был полон энтузиазма. Собственно, больше мне делать было практически нечего — мать работала, и я часто был предоставлен сам себе. Когда мать работала, за нами приглядывала вторая женщина. Пригляд был неплотный, да и вообще с нами никто особо не нянчился. Не то чтобы нас предоставляли самим себе, просто мы были спокойными детьми, а у взрослых хватало своих забот.

* * *

Здесь надо рассказать об обитателях квартиры. Где-то месяцам к шести-семи я уже составил полное представление об окружающей обстановке и людях. Впервые, это моя мать, которую звали Милославой или просто Милой. Второй младенец оказался девочкой Леной, а ее мать звали Натой. Жили мы все вместе в довольно приличной трехкомнатной квартире — не нище-

та, но скорее благородная бедность. Непонятно, были ли мы родственниками или просто соседями, но причина совместного проживания была довольно очевидной. Мать и Ната работали, а мама еще и училась — во всяком случае, она часто сидела за учебниками. Вдвоем у них получалось по очереди кормить детей и вообще присматривать. В общем-то, решение разумное — с приходящей няней мороки было бы гораздо больше, да и оставлять грудного ребенка на чужого человека не каждый решится.

С языком, однако, было сложно, и это сильно мешало понимать многие вещи. Сам язык был явно родственным русскому, но помогало это мало. Это было похоже на то, как слышится украинская или другая славянская речь — ухо временами выхватывает знакомые слова, но в целом все сливается в какое-то невнятное болботанье, в котором совершенно невозможно уловить какой-то смысл. Еще в нем встречались дремучие архаизмы времен «Слова о полку Игореве» — «аки», «бяше», «велми» и тому подобные. Приходилось учить язык практически с нуля, хотя, конечно, с китайским или японским все было бы гораздо сложнее. С разговором дело обстояло еще хуже, мой язык категорически не желал меня слушаться, и вместо членораздельной речи получался типичный бессмысленный детский лепет. Забавно, что у девчонки с разговорной речью дело продвигалось поуспешнее. В общем, с маскировкой попаданца дело обстояло превосходно, выдать себя песнями Высоцкого у меня не получилось бы при всем желании.

С Леной мы практически постоянно были вместе, у нас даже коляска была двойная, как у близнецов. К тому же без меня она хуже засыпала и капризничала, так что мы очень часто спали рядом. Как-то месяцев в девять мы так же лежали рядом — она о чем-то болтала сама с собой, ну а я, как обычно, тренировался

в управлении полем. Я уже уверенно создавал локальные концентрации поля, постепенно переходя к более сложным упражнениям по созданию форм. Вот и сейчас я немного закрутил поток, сделав шар, к которому сверху примыкали два сильно вытянутых эллипсоида. Неожиданно соседка засмеялась, ткнула в ту сторону пальцем и счастливо выкрикнула: «Дая!», что, видимо, означало «заяц». От неожиданности я потерял концентрацию, и фигурка развеялась, вызвав протестующее хныканье. Лена насупилась, и шар снова начал неуверенно собираться. Тут я отошел от удивления и начал помогать, и совместными усилиями заяц был восстановлен во всем своем великолепии трех овалов. С этих пор совместное собирание разных фигурок стало нашей излюбленной игрой, причем девчонка если и уступала мне, то совсем немного. Интересно, а как с этим дело обстоит у других детей?

* * *

Когда нам было три года, умерла Ната. Что произошло, я не знал — детям, естественно, никто не рассказывал. Уже позже я выяснил, что причиной был совершенно глупый несчастный случай, из тех что происходят гораздо чаще, чем мы думаем. Лена, по-моему, толком не поняла, что произошло, и со временем привыкла звать Милу мамой. А вскоре мама наконец закончила свою учебу, мы стали жить побогаче и переехали в небольшой дом в хорошем районе.

В четыре года я довольно быстро научился читать, хотя что тут удивительного? Разбираться, куда я попал, и чем этот мир отличается от моего, не кинулся — во-первых, у мамы таких книжек и не было, а во-вторых, зачем? Ясно, что мир отличается довольно сильно — и что мне даст факт, что тут не было, допустим, Наполеона? Да ничего совершенно. Мамины книжки я все же пересмотрел, правда, ничего интересного там не

обнаружил. В основном это были непонятные мне медицинские справочники, жутковатые анатомические атласы, да несколько женских романов. Их я прочитал — разницы с нашими совершенно никакой, только декорации чуть другие. Он утонул в бездонной синеве ее глаз... грудь ее с волнением вздымалась... он впился ей в губы обжигаящим поцелуем... В конце дело неизменно заканчивалось свадьбой страниц на пятьдесят. Ради того, чтобы это прочитать, совершенно не стоило напрягаться с попаданием в другой мир. Женщина — это константа Вселенной, что тут еще скажешь.

Тогда же я начал задумываться, для чего я тут, чего я хочу добиться, и в чем вообще смысл моего существования? После краткого знакомства с бабушкой у меня появилась идея фикс, что я должен быть достаточно сильным, и быть способным защитить себя и своих близких. Однако несмотря на важность этой цели, на глобальную она никак не тянула. Для чего мне был дан второй шанс? Случайно ли так получилось, или же он был дан с какой-то целью? И если так, то что от меня ожидается? Типичную книжную чепуху насчет спасения мира и поворота истории я не рассматривал вообще. Даже если у этого мира и есть какие-то проблемы, наш масштаб совершенно несопоставим. Это выглядело бы вроде муравья, который пытается остановить наступление ледникового периода, утепляя хвоинками ближайший одуванчик. Никаких разумных идей в голову не приходило, и в конце концов я решил вернуться к этому вопросу позже, когда немного подрасту и пойму свое место в этом мире.

Глава 1

— Стой спокойно! — Я пытался завязать шнурок на Ленкином ботиночке, пока она порывалась уже куда-то бежать.

Тут она вспомнила, куда мы собираемся, и настроение сменилось.

— Не хочу в лечебницу, — заявила она, — там щиплется.

— Надо немного потерпеть, да и не сильно там щиплется. Ты же хочешь быть умной и красивой?

— Я и так красивая!

— Но не очень умная.

— Сам ты дурак! — надулась.

— Вот я потому и не капризничаю, что хочу стать умным. А ты такой и останешься.

Ленка замолчала и задумалась. С пяти лет мама начала проводить с нами разные процедуры. Сначала это были микстуры для укрепления костей, суставов, связок, сейчас к ним добавилось лежание в специальной камере, которое должно было увеличить скорость прохождения сигналов по нервной системе — во всяком случае, именно так я понял из предельно упрощенного объяснения. Полный курс из нескольких десятков разных процедур был рассчитан на двенадцать лет — если на взрослый организм повлиять было практически невозможно, то организм ребенка вполне можно было улучшить осторожным воздействием по мере ро-

ста. Процедуры стоили безумно дорого, требовали постоянного надзора целителя и были очень мало кому доступны. Но у нашей мамы, младшего целителя княжеской лечебницы Живы Одаряющей, такая возможность имелась.

Наконец мы покинули дом и, миновав небольшой палисадник, вышли на улицу.

Дом у нас очень скромный — по меркам аристократии, конечно, — два этажа и сад, при доме соток в тридцать, с небольшим бассейном. К дому примыкает небольшой тренировочный зал, рядом гараж и флигель, где живет семья слуг — тетка Арина, которая готовит и убирает в доме, и ее муж, дядька Ждан, который ухаживает за садом и выполняет работу шофера, ну и вообще на все руки. Мамина машина — большой седан, похожий на довоенный «Хорьх». Ездит она на ней редко и сама не водит никогда. Автомобили здесь, кстати, называются самобегами, хорошо хоть не самобеглыми телегами. Впрочем, в бытовом обиходе, как и у нас, чаще используется слово «машина».

На первом этаже дома — гостиная, столовая, кухня, и еще одна комната неопределенного назначения, в которой мама любит сидеть вечерами с каким-нибудь журналом. На втором этаже мамина спальня, кабинет и наши с Ленкой комнаты. Ее комната, правда, практически не используется — Ленка категорически отказывается там жить и постоянно перетаскивает свои куклы и книжки ко мне. Я уже так привык, что она всегда рядом что-то напевает своим куклам, что без нее ощущаю какой-то дискомфорт. Спит она тоже со мной, обнимая меня, как плюшевого мишку. Я пробовал тихонько уходить в другую комнату после того, как она заснет, но от этого было только хуже — она вскоре просыпалась, осознавала, что меня рядом нет, и в слезах шла меня искать. Постепенно я смирился с ролью мягкой игрушки. Будь я и в самом деле ребенком, терпеть бы это, навер-

ное, не стал, но у меня-взрослого это белобрысое чудо вызывает приступы острого умиления, так что в конце концов я сдался.

Район наш называется Кропотов Луг — тихий, маленький, состоит из небольших особняков с участками. Живут у нас люди хорошего достатка, в основном дворяне. С соседями мы отношения поддерживаем хорошие, но вообще живем довольно уединенно. Мама слишком занята в лечебнице и еще пишет диссертацию. Сказать по правде, у нее и на нас-то времени не хватает. Одно время она собиралась взять няню, но меня идея быть под постоянным надзором постороннего человека в восторг не привела. У мамы я давно пользовался репутацией серьезного и ответственного ребенка, на которого можно положиться, так что хоть и с большим трудом, но удалось ее убедить, что мы прекрасно обойдемся без няни. Мы с Ленкой тоже ни с кем особенно не общались — взрослые меня, естественно, не воспринимали, а играть со сверстниками в детские игры... взрослым я себя не назову, детский организм все-таки здорово влияет, но не настолько же я ребенок. Ну а Ленка ходит за мной хвостиком, и такое ощущение, что кроме меня ей вообще никто не нужен.

Ленка сунула мне в руку ладошку и с надеждой спросила:

— Леденец купим?

— Во-первых, от сладкого болят зубы и появляются прыщи...

— У-у...

— А во-вторых, обязательно купим, но только на обратном пути.

На углу столкнулись с дядькой Любомиром, нашим квартальным, который командует стражей нашего района. Был Любомир отставным ратником — воевал, был несколько раз ранен, потом счастливо женился, и решил, что пора заканчивать бегать под пулями. К нам